

© Л. В. ПЕРЕСКОКОВ

*Пермское краевое отделение
Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
voorikperm@yandex.ru.*

УДК: 94(47).083/084(092)

МОНАРХ И IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

MONARCH AND THE FOURTH STATE DUMA

Февральская революция в России 1917 г. во многом явилась результатом противостояния монарха и IV Государственной Думы. Неэффективность управления верховной власти в условиях Великой войны привели к конфронтации. Депутаты либеральной ориентации, объединившиеся в Прогрессивном блоке, выступали за создание «министерства доверия», а затем — «ответственного министерства». Дворцовая партия на тот момент лишилась всякой социальной поддержки, а правительство уже не могло управлять государством. В результате стихийные революционные события привели к свержению монархии вообще.

February revolution in Russia (1917) largely was the result of the confrontation between Monarch and the Fourth State Duma. Such kind of uncertainty and inefficiency in the administration of the Supreme power in terms of the outbreak of the Great War led to a confrontation between Emperor and State Duma. At that moment the Palace party lost all social support, and the Government could no longer govern the state. In the wake the natural revolutionary events led to the overthrow of the monarchy in general.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. IV Государственная Дума, государь, Прогрессивный блок, революция в России 1917 г.

KEY WORDS. The Fourth State Duma, Emperor, Progressive bloc, Russian revolution of 1917.

Революция в России 1917 г. произошла, казалось бы, без особых на то оснований. Важным фактором, определившим рост революционных настроений в стране, стало противостояние верховной власти и Государственной Думы. Цель данного исследования — попытка проследить динамику этих отношений. IV Государственная Дума, в отличие от предыдущей, по своему представительству была более консервативной. В этой связи у самодержавной власти не должно было быть конфликтов с лояльным представительным органом власти. Однако «кризис верхов», по утверждению марксистско-ленинских историографов, возник в условиях разразившейся Великой войны, и это бесспорно. Но, в то же

время, работы советских ученых пронизаны идеологией [1]. Институционные аспекты этого процесса до сих пор остаются недостаточно исследованы. Актуальность данной проблемы носит научный характер. Манифест великого князя Михаила Александровича, последний документ российской монархии, который удовлетворил все требования общественности, не спас ее от падения. В связи с этим возникает вопрос: «Почему?»

Политическая позиция вновь избранного председателя IV Государственной думы М. В. Родзянки была подчеркнута в его вступительном слове: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим манифестом 17 октября 1905 г. ...» [5, с. 376-377]

Верховная власть осуществляла свое правление, прежде всего, через правительство. Первой жертвой политических предпочтений явился глава правительства В. Н. Коковцов. Выбор его преемника раскрывал позицию правящей верхушки. Им оказался «вынутый из нафталина» И. Л. Горемыкин. Это был лучший выбор, чтобы прикрыть личиной тишины и спокойствия бурлящие страсти предреволюционной общественности. Новое правительство сразу перешло в наступление на права Думы.

Однако важнейшим событием, определившим отношения между верховной властью и Государственной Думой, стала мировая война. 15 (28) июня 1914 г. произошло сараевское убийство, а 19 июля (1 августа) германский посол в Петрограде предъявил русскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову документ об объявлении войны России. Начавшаяся война в итоге и определила весь ход российской и мировой истории. Выдержать это испытание российская монархия оказалась не способна.

В момент объявления войны и угрозы вторжения врага в пределы России политические разногласия отошли на второй план перед общим проявлением чувства здорового патриотизма. Подъем национального патриотизма во всех странах проявился одновременно. Французы назвали его «священное единение». 21 июля был опубликован царский манифест, в котором говорилось: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага» [4, с. 125-126]. В тот же день в газете «Речь» появилось воззвание П. Н. Милюкова, где, в частности, сказано: «Отложим наши внутренние споры, не дадим противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие нас разногласия...» [5, с. 394].

На самом деле отношение русской общественности к начавшейся войне было неоднозначным. Интеллигентская идеология в начале XX в. подверглась пацифистским и социалистическим влияниям. Оборона страны в общественном сознании предоставлялась в ведение военных. Существовала также категория общественных деятелей полного непризнания войны, и даже сторонников превращения войны в «освободительную» от правительства, — т. е., превращения ее в войну классовую, гражданскую. Кроме того, политическая жизнь наблю-

далась только в крупных городах, а в провинции политикой вообще не интересовались.

«Священное единение» продолжалось недолго. По проекту министра внутренних дел Н. А. Маклакова очередная сессия Думы была отложена на осень 1915 г., — т. е., перерыв составил бы более года. В этом проявилось не только оскорбительное отношение к Думе, но и прямое нарушение основных законов. Сразу же распространилась практика введумского законодательства. Депутаты потребовали отставки Маклакова. После январской сессии 1915 г. отношения правительства с Думой и общественностью стали быстро портиться. Проявились две основные тенденции: во-первых, русская бюрократия оказалась неспособна эффективно управлять страной в условиях войны, а, во-вторых, она продолжала подозревать Думу и общественные организации в революционных намерениях и вступила с ними в открытую борьбу.

Как в России, так и в Европе, все надеялись, что война закончится к Рождеству. Однако победа французов при Марне (сент. 1914 г.) положила конец германским расчетам на «молниеносную» победу. Германия, перебросив войска с западного фронта на восток, увеличила к сентябрю 1915 г. их количество более чем в два раза. Июль-август были решающими месяцами, когда неприятельская угроза в России почувствовалась совсем близко. Главное артиллерийское управление, возглавляемое великим князем Сергеем Михайловичем, в 1915 г. не имело возможности обеспечить армию вооружением и, прежде всего, снарядами и патронами. Россия вынуждена была обратиться с заказами к тем же союзникам. Санитарное дело на фронте, курируемое принцем Ольденбургским, также находилось в плачевном состоянии: не хватало медицинского персонала и медикаментов. Не было действенной системы в заготовке армейского продовольствия. Неудовлетворительная работа транспорта объяснялась не только недостаточностью железнодорожной сети, но и неумением организовать по ней движение. Ввиду очевидной необходимости царь согласился организовать при правительстве Особое совещание по обороне. Однако первоначальное доверие императора скоро сменилось неприязнью.

Земской союз, возникший еще в годы русско-японской войны, взялся за организацию помощи раненым воинам. Во главе организации стоял авторитетный земской деятель князь Г. Е. Львов. Львов был депутатом от партии кадетов первых двух созывов, а с 1911 г. примкнул к «прогрессистам». Под настроение «священного единения» Львов был принят царем. В 1915 г. Земской союз объединился с Всероссийским союзом городов — Земгор. Однако в 1916 г. правительство уже видело и в Земском союзе врага самодержавия и рассадника будущей революции.

В мае 1915 г., после возвращения Родзянко с Галицийского фронта, выяснилась общая картина русского отступления. Депутаты начали настаивать на скорейшем возобновлении сессии Думы. Выдержать Горемыкину линию Маклакова, на которую царь дал согласие, было далее невозможно. 7 июля неожиданно был уволен Н. А. Маклаков. Началась «министерская лихорадка». Его

преемником стал князь Щербатов, человек «безличный, но добропорядочный». 11 июля также неожиданно был уволен и военный министр В. А. Сухомлинов. Получил отставку и министр юстиции И. Г. Щегловитов, заслуживший особое негодование общественности. Он был заменен А. А. Хвостовым. Вслед за ним ушел и В. К. Саблер, замененный на посту обер-прокурора Синода А. Д. Самариным. Самарин, человек правых убеждений, был слишком честен и мешал нечистой церковной политике, корни которой через Распутина восходили к императрице. Борьба Думы с правительством была безнадежна. Требовалась апелляция непосредственно к верховной власти. Дума почувствовала за собой силу в своем собственном объединении — в, так называемом, Прогрессивном блоке, куда вошли представители различных партий и политических убеждений. Его смысл заключался в попытке найти мирный исход из критической ситуации, которая ухудшалась с каждым днем. Идея блока состояла в том, чтобы объединить депутатов большинства народного представительства, которое было готово к решительным действиям во имя спасения России. При этом предполагалось действовать в рамках действующего закона, планы революционного переустройства или даже переворота не выдвигались. Настроение в обеих палатах, несмотря на политические разногласия, сложилось однородное. Получился своего рода суррогат «священного единения» политических сил после того, как оно было разрушено между правительством и страной.

В августе 1915 г. Прогрессивный блок сформировался. Программа была опубликована в печати и оглашена с трибуны Государственной Думы. Необходимо выделить два ее важнейших положения: а) создание правительства из лиц, пользующихся доверием страны; б) радикальное изменение приемов управления, основанных на доверии и строгом соблюдении законности.

Когда враг углубился в пределы империи, «царь почувствовал потребность самому вступить в командование армией». Ближайшее окружение поддерживало в царе убеждение, что это его «священный» долг. На заседании Совета министров в Царском Селе 20 августа под председательством царя министры разошлись с Горемыкиным, который, естественно, поддержал императора. После заседания восемь «либеральных министров» подали царю письменное заявление, настаивая на сохранении поста за великим князем Николаем Николаевичем. Родзянко поехал убеждать Николая II отменить свое решение, в результате в этот безнадежный конфликт была втянута и Дума. Император отправил в отставку двух из восьми министров-протестантов, особенно ненавистных кружку царицы: Щербатова и Самарина. Остальным шести предстояла та же участь, но позже. Начавшиеся непрерывные перестановки в правительстве и привели в итоге к «параличу власти».

С отъездом в Ставку личность царя как бы стусевалась. С этого времени на первый план выдвинулась царица. Единственная «мушкетерша в штанах», она принимала министерские доклады, и все более уверенно входила во вкус государственного управления. Распутин льстил ей сравнением с Екатериной II. Ее «управление» сводилось к личным предпочтениям. Двор замкнулся в пределах

апартаментов царицы и «маленького домика» верной, но недалекой подруги царицы, Анны Вырубовой. Над ними двумя царил Распутин, около которого группировались кружки проходимцев и аферистов. Эта скандальная картина проявлялась постепенно. Но только с того момента, когда кризис коснулся отношений Думы и правительства, для широкой публики обнажился внутренний фронт камарильи, прикрывавшейся до тех пор ответственностью исполнительной власти. Prestиж самой верховной власти стал быстро падать.

В письмах же Александра Федоровна постоянно давала государю наставления совсем другого толка: «Душка, помни, что дело не в Протопопове или в X, Y, Z. Это вопрос о монархии и твоём престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих. ... — “Царь правит, а не Дума”» [б. с. 828-830].

В ноябре 1915 г. созыв Думы был вновь отложен в связи с тем, что бюджет не был рассмотрен. Горемыкин согласился созвать Думу только для утверждения бюджета. На этом разыгралась интрига, последствием которой стало смещение Горемыкина царем и назначение на его место... Штюмера! Б. В. Штюмер, по-видимому, и был проводником этого неожиданного поворота, но за ним стоял все тот же Распутин, называвший своего кандидата «старичком на веревочке». Штюмер был моложе Горемыкина, но проявлял все признаки старчества и был совершенно невежественным во всех областях, за которые брался. Посредником между Штюмером и блоком явился другой министр, также прошедший через Распутина и также назначенный неожиданно: министр внутренних дел А. Н. Хвостов, сменивший Щербатова. Это был молодой и энергичный человек, но не ориентированный на государственную деятельность. Вскоре его карьера была со скандалом пресечена.

Накануне этих событий стало известно, что царь предполагает лично посетить Думу. Очевидно, что это была еще одна попытка повлиять на орган и представить нового премьера. Царский визит, единственный за все время существования Думы, состоялся 9 февраля 1916 г., в день открытия сессии. Процедура «энтузиазма» была соблюдена. Перед входом в зал заседаний было импровизировано молебствие. Небольшая речь, произнесенная царем, была «бесцветная, но благожелательная». Появление нового премьера в Думе произвело впечатление полного провала. Штюмер тихим голосом произнес вступительную речь, в которой категорически заявил о «незыблемости исторических устоев».

Правые начали поход против управляющего министерством народного просвещения графа П. Н. Игнатьева и военного министра А. А. Поливанова. 15 марта Поливанов был уволен и заменен генералом Д. С. Шуваевым. Эти перестановки вновь понизили уровень власти.

В апреле-июне 1916 г. русские парламентарии совершили поездку по странам-союзникам Западной Европы. В роли «гувернера» был поставлен товарищ председателя Думы А. Д. Протопопов. Проезжая через Стокгольм, Протопопов встретился с представителем германского посла и говорил с ним о

германских условиях сепаратного мира. После приезда он был приглашен царем в Ставку. Такой «ласковый» прием говорит о возникшем интересе дворцовой партии к идее сепаратного мира, инициатором которой был Распутин. «Старец» пообещал ему министерский пост, и действительно, 18 сентября 1916 г. он был назначен управляющим в министерство внутренних дел, а 20 декабря 1916 г. утвержден в должности министра. Однако Протопопов не встретил поддержки со стороны новых коллег. Оба премьера, Штюрмер и потом Трепов, требовали его ухода и называли его «сумасшедшим». Полная абсурдность ситуации проявилась в претензиях Штюрмера на «диктатуру».

Если в 1915 г. усилия Думы и общественных организаций были направлены на исправление военных неудач, то в 1916 г. — все внимание было сосредоточено на тыл. Думцев волновало глубокое функциональное расстройство самой страны. В 1916 г. развернулась дискуссия относительно будущего правительства. Теперь все больше говорили не о «министерстве доверия», а о «министерстве ответственном». Это уже означало бы установление парламентарного строя, на что заведомо не могли пойти ни верховная власть, ни правые части блока. В ходе открытой борьбы, которую повело правительство против общественных организаций, происходило их революционизирование. «Было очевидно, — вспоминает Милуков, — что удар по Штюрмеру теперь уже недостаточен; надо идти дальше и ... вскрыть публично “темные силы”». На осенней сессии он выступил со знаменитой речью, в которой прозвучали риторические вопросы: «глупость» это «или измена»? [5, с. 445] Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование. А показателем впечатления, полученного правительством, стала отставка Штюрмера. 10 ноября на его место был назначен А. Ф. Трепов. Итак, в 1916 г. враждебные отношения монарха и дворцовой партии с Думой переросли в открытое противостояние.

Наступил 1917 г. В общественном сознании совершенно определенно ощущалось ожидание дворцового переворота. Об этом говорили все. Предполагалось отстранить от власти Николая II и Александру Федоровну. Однако никто об этом не думал всерьез. «Характерной чертой тех двух месяцев было то, что все, включая “улицу”, чего-то ждали, и обе стороны, вступившие в открытую борьбу, к чему-то готовились. Но это “что-то” оставалось в неизвестности, и ни одна из сторон не проявляла достаточно организованности и воли... В результате случилось что-то третье, чего ... не ожидал никто: нечто неопределенное и бесформенное, что ... получило немедленно название начала Великой русской революции» [5, с. 448].

С конца 1916 г. начали говорить о полном роспуске IV Думы и о выборах в новую, V Думу. Но на такой шаг верховная власть пойти не решалась. 3 января предложение Протопопова продлить отсрочку до 14 февраля было поддержано новым премьером — князем Н. Д. Голицыным (с 27 декабря 1916 г.), известного в роли заведующего «комитетом помощи русским военнопленным» императрицы. Однако в эти дни главная роль принадлежала уже не Думе. Верховная власть в борьбе с Думой незаметно для себя вызвала силы, которые очень скоро

сокрушили монархию. Теперь уже и население (на улицах, в трамваях, в театрах, в магазинах) открыто критиковало все правительственные мероприятия в недопустимом по резкости тоне.

7 января М. В. Родзянко был принят царем. В своем докладе председатель Думы, в частности, сказал: «Настроение во всей стране такое, что можно ожидать самых серьезных потрясений... вся Россия в один голос требует перемены правительства, облеченного доверием народа...» [7, с. 40]

Мысль о дворцовом перевороте теперь выдвигалась на первый план. Депутатам было ясно, что это не дело Государственной Думы, но было крайне важно определить ее роль, если переворот произойдет. Блок исходил из предположения, что при перевороте Николай II так или иначе будет отстранен от престола, и согласится на передачу власти законному наследнику Алексею при регентстве до его совершеннолетия великого князя Михаила Александровича. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией безболезненного перехода к конституционному строю. Беспорядки начались на следующий день после того, как император 22 февраля неожиданно выехал в Ставку. 23 февраля из-за недостатка хлеба забастовало до 87000 рабочих. 24 февраля бастовало уже 197000 рабочих. 25 февраля, когда бастовало уже 240000 рабочих, Протопопов телеграфировал царю в Ставку, что для «прекращения беспорядков принимаются меры». Оставалось прибегнуть к подавлению силой. 25 февраля царь телеграфировал Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией!» [8, с. 342] Царь удовлетворялся успокоительными сообщениями Протопопова и не обращал внимания на тревожные телеграммы Родзянки. 26 февраля на сторону революции начала переходить армия. 27 февраля он сказал Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». [5, с. 452]

В ночь на 26 февраля князь Голицын объявил о перерыве работы Государственной Думы и возобновлении сессии «не позднее апреля 1917 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». Но уже на следующий день, 27 февраля, сами члены Совета министров «ходили растерянные, ожидая ареста» и, — в качестве «жертвы» — отправили Протопопова в отставку. Тут же Совет министров ходатайствовал перед Николаем II о назначении над «оставшимися верными войсками» военачальника «с популярным именем» и о составлении ответственного министерства. Царь согласился на «военачальника» Иванова, но признал «перемены в личном составе министерства при данных обстоятельствах недопустимыми». Отклонено было и предложение великого князя Михаила Александровича о назначении его регентом, а князя Львова — премьером.

Утром 27 февраля Родзянко созвал Думу и объявил о перерыве ее работы. Однако думцы расхотеться отказались и решили создать временный комитет «для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями». К вечеру, когда выяснился революционный характер движения, комитет решил взять в свои руки власть. Намечен был и состав правительства. Премьером был

намечен князь Г. Е. Львов. На следующий день (28 февраля) уже и самый Совет министров подал в отставку. В этот момент в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров.

В течение последних дней обстановка в Таврическом дворце совершенно изменилась. После полудня, 27 февраля, открыли ворота под напором толпы, которая хлынула во дворец. «А к вечеру мы уже почувствовали, — вспоминает П. Н. Милюков, — что мы не одни во дворце — и вообще больше не хозяева дворца. В другом конце дворца уже собирался этот другой претендент на власть, Совет рабочих депутатов...» [5, с. 455]

28 февраля положение окончательно прояснилось: революция победила! Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. На последнюю телеграмму Родзянко царю, что «решается судьба Родины и династии», он получил 28 февраля ответ, разрешавший ему лично сформировать ответственное министерство. Временный комитет же на тот момент уже наметил состав Временного правительства. Родзянко остался вне власти, но продолжал быть председателем Думы. Он пытался считать Думу «носителем верховной власти», чему решительно воспротивилась кадетская партия.

В Ставке даже 28 февраля еще смотрели на волнения в столице как на бунт, который можно легко подавить. Для этой цели были направлены части войск с Северного и Западного фронтов во главе с генералом Ивановым, назначенным диктатором с объявлением военного положения в Петрограде. 1 марта Николай II выехал из Ставки в Царское Село. Узнав об этом, думцы — кадет Некрасов и прогрессист Бубликов вместе с левыми вошли в связь с железнодорожным союзом и взяли под свой контроль всю железнодорожную сеть. Гучков в ночь с 1 на 2 марта ездил на Варшавский и Балтийский вокзалы, чтобы заблокировать прибытие в Петроград войск и императора.

Вечером 1 марта Временный комитет делегировал А. И. Гучкова и В. В. Шульгина на переговоры к Николаю II. Остановленный в ночь на 1 марта в Малой Вишере, император уже соглашался на «конституцию». Но, приехав в Псков в 8 часов вечера 1 марта, царь узнал, что революция побеждает. Услышав от Рузского совет «идти на все уступки», он поручил Родзянке составить «ответственное министерство». К утру 2 марта император узнал от того же Рузского, что эта уступка уже недостаточна, и что все войска перешли на сторону восставших. А после завтрака Рузский принес ему телеграммы от великого князя Николая Николаевича, генерала Алексева и от командующих фронтами с требованием отречения от престола в пользу сына с регентством Михаила. Николай согласился и на это, составил соответствующую телеграмму, но она не была отослана. Узнав о предстоящем приезде Гучкова и Шульгина, он вновь изменил свое намерение. Вместо передачи сыну он решил передать престол Михаилу.

Около 3 часов ночи уже 3 марта в Таврический дворец пришли первые известия о том, что царь отрекся в пользу великого князя Михаила Александровича. Замена сына братом явилась смертельным ударом, нанесенным самим императором по правящей династии и монархии в целом в самый критический момент истории. К идее о наследовании малолетним Алексеем публика была

готова, но принять Михаила Александровича как императора не могла. Этим и воспользовалась оппозиция.

3 марта в 9:15 началось совещание на Миллионной, 12. Собралось более 15 человек (среди них: 7 министров нового Временного правительства и 5 депутатов Государственной Думы во главе с Родзянко). Подавляющее большинство делегатов придерживалось мнения об отказе Михаила Александровича от верховной власти. В Петрограде уже фактически не было войск, которые бы поддерживали монархию. Однако наиболее сильным фактором на этом совещании стал фактор личной безопасности, как представителей Дома Романовых, так и членов Временного правительства. Наиболее активно выступали о возможной угрозе Керенский и Родзянко [3, с. 441-442]. Милюков, а также приехавший позднее Гучков, считали, что утрата «символа власти, привычного для масс», каковым является монархия, намного опаснее. В таких условиях Временное правительство, говорили они, «окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений» [5, с. 468]. Шульгин, наиболее последовательный сторонник сохранения монархии в России, в 1917 г. также склонялся к конституционной монархии. На совещании с великим князем Михаилом Александровичем он настаивал на «все-народной присяге», что означало бы, по его мнению, фактически принятие условий конституции. [2, с. 25]. Выбор Михаила Александровича был совершенно определенным: отречься, чтобы Временное правительство восстановило порядок в стране и довело войну с Германией до победного конца.

После падения монархии Дума ни разу не собиралась, хотя Временный комитет Государственной Думы проводил регулярные заседания. 6 октября 1917 года Временное правительство распустило Государственную думу в связи с подготовкой выборов в Учредительное собрание, а 18 декабря декрет СНК упразднил канцелярию Думы и ее Временный комитет.

Итак, государь в годы Великой войны, не осознав коренные изменения ситуации и оставаясь на узко консервативных позициях «сохранения традиций семьи», к 1917 г. лишился практически всех своих союзников. Дворцовая партия ошибочно видела в Думе и общественных организациях своих врагов, что привело к расколу политической элиты общества на два лагеря. В результате этой бесплодной борьбы ситуация в стране полностью вышла из-под контроля, а послушное правительство оказалось совершенно недееспособно. Решения императора не соответствовали реалиям. Передача верховной власти великому князю Михаилу Александровичу была противозаконна, а его шаги в направлении компромиссов оказались слишком запоздалыми. Неожиданно и мощно на политическую арену вышли силы, которые сокрушили и монархию, и Временное правительство, и Государственную Думу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения / А. Я. Аврех. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Бабков Д. И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917-1939 гг. / Д. И. Бабков. М.: РОССПЭН, 2012. 303 с.

3. Кроуфорд Р., Кроуфорд Д. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь последнего русского императора / Р. Кроуфорд, Д. Кроуфорд. М.: «Захаров», 2008. 656 с.: ил.
4. Манифест Николая II от 20 июля 1914 г. о вступлении России в войну // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2.
5. Милюков П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
6. Переписка Николая и Александры. 1914-1917. М.: «Захаров», 2013. 928 с.
7. Родзянко М. В. За кулисами царской власти / М. В. Родзянко. М.: Панорама, 1991. 48 с.
8. Хрусталеv В. М. Великий князь Михаил Александрович / В. М. Хрусталеv. М.: «Вече», 2008. 554 с.: ил.

REFERENCES

1. Avreh A. YA. TSarizm nakanune sverjениya [Tsarism on the Eve of the Overthrow]. M.: Nauka [Science], 1989. 256 p. (In Russian)
2. Babkov D. I. Gosudarstvennyie i natsionalnyie problemy v mirovozzrenii V. V. Shulgina v 1917-1939 gg. [State and National Problems in V. V. Shulgin's vision in 1917-1939]. M.: ROSSPEN, 2012. 303 p. (In Russian)
3. Krouford R., Krouford D.. Mihail i Natalya. Jizn i lyubov poslednego russkogo imperatora [Michael and Natalia. Life and Love of the Last Russian Emperor]. M.: Zaharov, 2008. 656 p.: ill. (In Russian)
4. Manifest Nikolaya II ot 20 iyulya 1914 g. o vstuplenii Rossii v voynu [The Manifest of Nicholay II on July 20, 1914 on Russia's entering the War] // Rossiyskiy eжegodnik [Russian Yearbook], 1990. Vol. 2. (In Russian)
5. Milyukov P. N. Vospominaniya [Memories]. M.: Politizdat, 1991. 528 p. (In Russian)
6. Perepiska Nikolaya i Aleksandryi. 1914-1917 [Correspondence of Nicholay and Alexandra. 1914-1917]. M.: Zaharov, 2013. 928 p.: ill. (In Russian)
7. Rodzyanko M. V. Za kulisami tsarskoy vlasti [Behind the Scenes of Royal Power]. M.: Panorama, 1991. 48 p. (In Russian)
8. Hrustalev V. M. Velikiy knyaz Mihail Aleksandrovich [Grand Duke Mikhail Alexandrovich]. M.: Veche, 2008. 554 p.: ill. (In Russian)

Автор публикации

Перескоков Лев Валентинович — председатель Пермского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, соискатель Пермского государственного института культуры по специальности «История России»

Authors of the publication

Lev V. Pereskokov — Chairman of the Perm Regional Branch of All-Russian Public Guarding Historical and Cultural Memorials Society, Applicant at the Department of Perm State Institute of Culture on Russian History specialization